

5.11.2. Историческая теология

УДК 297.1

DOI 10.22311/2074-1529-2025-21-1-117-134

А. Г. Хайрутдинов

Государственное бюджетное учреждение
«Институт истории имени Шигабутдина Марджани
Академии наук Республики Татарстан»
(Казань, Россия)

Частное учреждение —
образовательная организация высшего образования
Московский исламский институт
(Москва, Россия)

МУСА БИГИЕВ О ДЕЛЕГИТИМАЦИИ РАБОВЛАДЕНИЯ В МУСУЛЬМАНСКОМ ПРАВЕ (ПО КНИГЕ «КАВА'ИД ФИКХИЙЯ»)

ХАЙРУТДИНОВ Айдар Гарифутдинович —

канд. филос. наук, доц.; и. о. зав.,

Отдел истории религий и общественной мысли им. Я. Г. Абдуллина,

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

(420014, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Батурина, 7);

руководитель, Центр изучения наследия Мусы Бигиева,

Московский исламский институт

(109382, Россия, г. Москва, пр. Кирова, д. 12).

E-mail: khaidar67@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0648-0466

Аннотация. В статье рассматривается пример иджитхада Мусы Джаруллаха Бигиева, заключающийся в критическом религиозно-философском анализе и деконструкции средневековых правовых основ института рабовладения в мусульманском праве. В основе излагаемого в статье материала лежат разъяснения М. Бигиева по данной проблеме, представленные им в 1910 г. на страницах фундаментальной правоведческой работы «Кава'ид фикхийя» («Правила фикха»). Статья также знакомит с историей возникновения

рабовладения в изложении Бигиева, а также с аятами Корана и хадисами, которые он, выступая в качестве приверженца фундаментальных ценностей ислама, приводит для обоснования нелегитимности института рабовладения. Данное явление Бигиев считал открыто противоречащим праву личной свободы индивида. Это право он ввел как правовую категорию в понятийное поле исламской юриспруденции, представив в качестве одной из существенных задач шариата. Методика разбора Бигиевым устоявшихся правовых положений с целью их делегитимации является собой пример деконструкции, опередивший разработку и признание данного понятия современной наукой на Западе и взятие его на вооружение мыслителями мусульманского Востока. Представленный материал вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Муса Бигиев, теология, фикх, методология фикха, иджит-хад, рабовладение, деконструкция.

Для цитирования: Хайрутдинов А. Г. Муса Бигиев о делегитимации рабовладения в мусульманском праве (по книге «Кава'ид фикхийя») // Ислам в современном мире. 2025. Т. 21. № 1. С. 117–134;

DOI 10.22311/2074-1529-2025-21-1-117-134

Поступила в редакцию: 19.01.2025

Принята к печати: 05.03.2025

Введение

Предлагаемая публикация продолжает знакомить с заслуживающими внимания неординарными примерами правового иджитихада российского мусульманского религиозного мыслителя и правоведа Мусы Джаруллаха Бигиева (1875–1949), представленными им в книге «Кава'ид фикхийя» (Правила фикха). В предыдущей статье речь шла о деконструкции легитимности и последующем опровержении шариатского предписания о смертной казни, которой согласно мнению средневековых правоведов подлежит мусульманин за вероотступничество¹. По мнению Бигиева, имеющий трансцендентное происхождение шариат призван обеспечивать неприкосновенность прав и свобод человека, представленных в упомянутой статье шестью основами человеческого бытия в материальном мире:

«Защита в качестве основы человеческой жизни этих шести целей самым решительным образом почитается во всех законодательных системах

¹ Хайрутдинов А. Г. Опровержение предписания о смертной казни за вероотступничество в книге Мусы Бигиева Кава'ид фикхийя // Ислам в современном мире. 2024. Т. 20. № 1. С. 41–52.

трансцендентного (самави) происхождения, и, в особенности, в исламском шариате»¹.

Таким образом, Бигиев не только обозначил шесть задач, определяющих предназначение шариата как такового, но, говоря об *«исконных правах, дарованных людям со стороны Творца, а также законных правах, предоставленных Законодателем»²*, привлек внимание, к такому понятию как права и свободы человека, что, по сути, означало возрождение и актуализацию этого понятия, изначально присутствующего в предметном поле исламской юриспруденции, но остающегося в пассиве в силу ряда объективных и субъективных причин.

Обращает на себя внимание тот факт, что права человека в исламе получили официальное признание лишь по прошествии 80 лет после публикации книги Бигиева «Кава'ид фикхийя», когда в августе 1990 г. министры иностранных дел государств — членов Организации Исламская конференция (ныне — Организация исламского сотрудничества), собравшиеся на саммит в Каире, приняли «Каирскую декларацию о правах человека в исламе», в которой было заявлено: *«основные права и универсальные свободы в Исламе являются неотъемлемой частью исламской религии»* и *«данные права и свободы низвел Аллах в своем Писании и передал последний из Его Посланников»³.*

Постановка проблемы

Итак, в упомянутой книге Муса Бигиев актуализировал понятие прав и свобод человека на конкретных примерах делегитимации положения о необходимости смертной казни за вероотступничество и на примере выявления несостоятельности существующих религиозно-правовых обоснований института рабовладения в исламе. Обращение Бигиева к феномену рабовладения было неслучайным, т. к. исламская цивилизация была вынуждена столкнуться с этим явлением и решать возникающие в его контексте правовые вопросы уже с первых дней своей истории. Таким образом, решение связанных с рабовладением вопросов на протяжении веков являлось важным аспектом правовой практики мусульманских факихов. Существует мнение, согласно которому *«по мере отхода человечества от принципов рабовладельчества исламская система получила возможность искоренить последние*

¹ Бигиев М. Ж. Кавагыйд фикъхийя. Казань: Электро-Типография «Урнэк», 1328 [1910]. С. 155.

² Там же. С. 167.

³ Déclaration du Caire sur les droits de l'homme en Islam. URL: https://pdfprof.com/PDF_DocsV2/Documents/243875/6/1 (дата обращения: 12.02.2025).

атавизмы этого языческого института, привносимые в нее извне, полнотью и навсегда»¹.

Тем не менее, в мусульманском мире все еще заявляют о себе силы, которые не только не против воскресить это унижительное явление, но даже практикуют его. Например, рабовладение было возрождено и практиковалось в т. н. «Исламском государстве», провозглашенном ИГИЛ (запрещенной в России террористической организации) на захваченных им территориях Сирии и Ирака. Следовательно, обращение Бигиева к вопросу о праве индивида на свободу в контексте его критики и деконструкции института рабовладения в исламе и по сей день сохраняет свою актуальность.

Согласно Бигиеву, право на свободу означает право человека действовать по своему усмотрению в границах всех имеющихся у него прав. Иными словами, в любом деле, которое не является предосудительным с точки зрения здравого рассудка, человек имеет право действовать без оглядки и затруднения, не боясь при этом наступления возможной ответственности². Будучи теологом и факихом Бигиев находит нужным привести в качестве неопровержимого доказательства важности, незыблемости и неотъемлемости права человека на свободу следующий аят Корана (اِذْ قَالَ مُوسَىٰ لِقَوْمِهِ يَا قَوْمِ اذْكُرُوا نِعْمَةَ اللَّهِ عَلَيْكُمْ) (إِذْ جَعَلَ فِيكُمْ أَنْبِيَاءَ وَجَعَلَكُمْ مُلُوكًا) «Вот сказал Муса своему народу: „О народ мой! Вспомните милость Аллаха вам, когда Он установил среди вас пророков и сделал вас царями...”» (Коран, 5: 20)³. Разъясняя смысл данного аята, ученый обращает внимание на то, что в нем каждый представитель общины Моисея назван царем. И это высокое звание, по его мнению, не подразумевает социальный статус (ведь каждый член общины не может быть ее правителем!), но имеет переносный смысл и означает, что после египетского плена каждый член иудейской общины обрел свободу поступать согласно своей воле и желанию. Таким образом, согласно Бигиеву, если избавление человека от униженного бесправного состояния и обретение им свободы действовать согласно собственной воле и желанию превращает его в своеобразного царя (т. е. в хозяина самому себе), то это более чем очевидное свидетельство того, какой высокой данностью является для человека его свобода. Бигиев придавал свободе индивида настолько большое значение, что назвал ее «самым необходимым правом для обретения человеком человечности, счастья и развития в истинном смысле этих слов»⁴.

¹ Али-Заде А., Полосин А. В. Отношение ислама к рабству. URL: <https://dumrf.ru/islam/theology/1587> (дата обращения: 24.02.2025).

² Бигиев М. Ж. Указ. соч. С. 167.

³ Здесь и далее цит. по изд.: Коран. Пер. с араб. акад. И. Ю. Крачковского. М. Изд-во «Рассвет», 1990.

⁴ Бигиев М. Ж. Указ. соч. С. 168.

Показательно, что Муса Бигиев не только рассуждает о свободе человека как о философском и религиозном нарративе, но и совершает краткий экскурс в историю этого явления. По его мнению, первой предпосылкой свободы индивида стала необходимость совместной жизни мужчины и женщины в семейном союзе:

«Отдельный человек не мог удовлетворять свои насущные потребности в одиночку и потому нуждался в помощи других людей и взаимодействии с ними. Первое объединение, вызванное необходимостью оказывать взаимную помощь, впервые возникло между мужчиной и женщиной, поскольку нужды обоих из этих полов связаны с противоположной стороной: потребности женщины не могут быть удовлетворены без мужчины, а потребности мужчины не могут быть удовлетворены без женщины. Потребность двух противоположных полов в друг друге является проявлением великой мудрости Премудрого Творца. Поэтому наипервейшая основа цивилизованности человеческого мира, каковой является супружество, основана именно на упомянутой потребности»¹.

Бигиев объясняет, что с течением времени биологические особенности и бытовые различия между функциями, выполняемыми в семье женщиной, и функциями мужчины привели к возникновению и распространению идеи о превосходстве мужчины над женщиной. Бигиев подчеркивает, что если бы в определенный момент развития института семьи женщине удалось сохранить статус равноправного с мужчиной члена семьи, то не произошло бы социального расслоения общества, в основу которого легла убежденность мужчины в его превосходстве над женщиной:

«По мере разрастания общества, в людях набирала силу страсть к покорению, господству, алчность. В конце концов, все права людей в социальной системе оказались заключенными в могучих руках нескольких человек, тогда как большинство людей утратили человеческие права. С течением времени... в головы и сердца людей как кол была вбита вера в то, что все живущие в социальной системе люди были сотворены ради служения интересам и вождениям нескольких человек. Неограниченная тирания в мире людей и абсолютное порабощение всех людей, начавшись в незапамятные времена, в различных формах и видах сохранялись вплоть до последних веков и дней»².

Бигиев подчеркивает, что даже выборность правителей не стала гарантом их справедливости: «Эмиры, являясь наемными работниками,

¹ Бигиев М. Ж. Указ. соч. С. 169.

² Там же. С. 171.

нанятыми для управления делами, оставили интересы уммы и стали угнетать население, стали заниматься нанесением ему вреда»¹.

Сколь бы упрощенной в социально-философском смысле ни казалась эта схема, в которой социальная дифференциация и дальнейшее разделение общества на антагонистические классы представлена Бигиевым как результат разрушения равновесия и гармонии между полами в семье, она выглядит вполне логичной и позволяет по-иному взглянуть на ход развития человеческого общества.

Анализ института рабовладения

Бигиев напоминает, что перекосы в развитии социального организма на протяжении всей истории пытались исправить пророки, мудрецы, однако они не преуспели в этом, поскольку имели дело с внешним отражением внутреннего изъяна в природе человека:

«Будучи основанным на стремлении к верховенству, представляющему собой суть человеческой природы, неволя (асара) и рабовладение (раккыййа) являются состоянием, продолжающимся с первых дней истории человечества вплоть до настоящего времени. Способы сделать человека невольником были разнообразными настолько, насколько разнообразными были народы и соблюдаемые ими традиции. Сообразно разнообразию правителей в проявлениях жестокости и беспощадности, разными были также и способы обращения с пленными и рабами. Рабы рассматривались не как люди, но в качестве наделенных даром речи животные, не обладающие волей, выбором и человеческими качествами. Рабы считались живым имуществом»².

Более того, рабовладение утверждалось и культивировалось законами не только до появления монотеистических религий и социального уклада, но и в самих таких общинах: *«И шариат Ибрахима, и шариат “Торы” подтвердили рабовладение»³.*

Показательно, что говоря о рабовладении в мире ислама, Бигиев остается объективным. С одной стороны, он признает наличие в шариате теоретических основ, призванных ликвидировать институт рабовладения, с другой стороны, приходит к выводу о том, что по определенным причинам, о которых будет сказано ниже, ислам не смог окончательно избавить общество от этого порока.

¹ Бигиев М. Ж. Указ. соч. С. 179.

² Там же.

³ Там же.

«По сравнению со всеми вместе взятыми предшествующими шариатами, исламский шариат уделил наибольшее внимание уважению к человеческим правам и проблеме формирования совокупности законов, призванных стать фундаментом человеческого жизнеустройства. Исламский шариат признал и дал знания об упомянутых выше исконных человеческих правах. Он признал всех людей без исключения равными, а также провозгласил каждого человека субъектом дарованной ему Аллахом полной и разумной свободы, ограниченной только условием нахождения в поле полезности и не причинением вреда окружающим»¹.

Иными словами, согласно положениям шариата, все люди являются равными друг другу в правах и обязанностях и все они имеют право одинаково пользоваться ими. Бигиев подчеркивает, что права человека, обладающего бóльшим умом, бóльшей силой, бóльшим достоинством не превосходят прав других людей; слабость немощного, невежество невежественного не умаляют их личных прав как индивидов. Сколь бы сильно ни отличались люди друг от друга в личностных характеристиках, никакие отличия не принимаются во внимание в таких правах, как неприкосновенность крови, неприкосновенность чести, ответственность и др. Более того, согласно Бигиеву ислам не только избавил людей от такого заблуждения, как поклонение камням, деревьям, истуканам и таким же, как они сами, людям, но и освободил человеческий разум из плена жреческих нарративов, очистил человеческое сознание от убеждений, основанных на беспочвенных фантазиях.

Подготавливая почву для объяснения своей позиции в вопросе о нелегитимности рабовладения, Бигиев пишет, что шариат представил рабовладение в качестве порока сразу, как только возник ислам. Например, аят (فَشُدُّوا الرِّبَاطَ فَإِذَا مَنَّ اللَّهُ عَلَى النَّاسِ مِنْ بَعْدِ إِيمَانِهِمْ فَكُلُوا وَشَرُّوا بِالْحَنِيفِ دِينِ الْأَوَّلِينَ) «... **то укрепляйте узы. Либо милость потом, либо выкуп...**» (Коран, 47: 4) утвердил справедливый канон, самым лучшим образом соответствующий решению гуманитарных и политических проблем. Бигиев говорит об этом следующее:

«Этот канон был призван изжить рабовладение, оставшееся от предыдущих поколений в качестве величайшего зла в человеческом мире. Таким образом, ... исламский шариат нацелился в кратчайшие сроки положить конец этому злу, дабы вернуть несчастным поработанным людям их естественные права и их человеческий статус»².

Продолжая знакомить с имманентной устремленностью шариата к полной ликвидации института рабовладения, Бигиев ссылается

¹ Бигиев М. Ж. Указ. соч. С. 172.

² Там же. С. 192.

на аят (فَلَا اقْتَحَمَ الْعَقَبَةَ وَمَا أَدْرَاكَ مَا الْعَقَبَةُ فَكُّ رَقَبَةٍ) «А он не устремился по крутизне! И что даст тебе знать, что такое крутизна? Отпустить раба» (Коран, 90: 11–13). Он характеризует его как слово, оказывающее сильное влияние на каждого человека, обладающего сердцем, и призывающее всех людей к обязанности освобождать своих братьев. Бигиев напоминает, что именно Коран предписал выделять из государственного бюджета определенные суммы на дело освобождения рабов, что он возвел в статус одновременно и богоугодного и обязательного поклонения освобождение рабов ради довольства Аллаха путем безоговорочного освобождения (اعتاق), документального оформления (كتابت), принятия соответствующих мер (تدبير) и искупления за проступки (كفارة)¹. Приведя эти рассуждения, Бигиев заключает:

«Если исламский шариат изначально запретил рабовладение и показал самые разумные пути устранения этого, доставшегося нам от предшественников, древнего зла, то я, если пожелает Аллах, конечно же, окажусь прав в утверждении, которое звучит так: “Ислам спас человечество от зла рабовладения, он очистил лик человечества от нечистоты рабовладения, он возвел в человеческий статус людей, которые в силу несправедливости и угнетения были выведены из этого состояния”»².

Вместе с тем, сколь бы высоко Бигиев ни ценил позитивные устремления ислама в деле решения проблемы рабовладения, это не помешало ему задаться двумя отрезвляющими вопросами: 1) Стал ли описанный выше ислам инструментом освобождения несчастных рабов от существования в качестве собственности и от угнетения в руках таких же, как они сами, людей, в то время как подобная социальная революция имманентно заложена в самой природе ислама? 2) Стала ли миссия пророка Мухаммада милостью по отношению к несчастным рабам, пребывающим в угнетении от таких же, как они сами, людей?

На эти вопросы Бигиев дает два ответа, выводимые из двух различающихся основ. С одной стороны, подразумевая реалии сложившейся исламской правовой системы и исходя из существующей практической действительности, он заявляет, что на оба вопроса приходится дать отрицательный ответ. С другой стороны, подразумевая теоретические основы, такие как «извечные тексты Корана и достоверную пророческую Сунну», Бигиев заявляет, что в них ислам ликвидировал рабовладение. Иными словами, Бигиев с сожалением констатирует,

¹ Заимствованные из арабского языка слова (كتابت) и (كفارة) и подобные им другие слова в источнике даются в их оригинальном татаро-османском начертании, в котором имеющаяся в них буква та-марбута «ة» обозначалась либо как звук а, передаваемый буквой «а», либо буквой та-мамдуда «ت».

² Бигиев М. Ж. Указ. соч. С. 192.

что теоретические намерения ислама не привели к ликвидации рабовладения, поскольку в кругах мусульманских теологов и правоведов не нашлось специалистов, способных раскрыть потенциал источников ислама, нацеленный на построение общества свободных и ответственных людей. При этом Бигиев не отрицает и не умалчивает о некоторых достижениях ислама, выгодно отличающих его подходы к правовым основаниям рабовладения от подходов других культур.

Подчеркнув, что, согласно консенсусу факихов, рабовладение не может возникнуть путем охоты на людей и похищения врагов, Бигиев продолжает знакомить читателя с тонкостями принятых в средневековом мусульманском праве юридических оснований обращения в рабство:

«С точки зрения исламских правоведов, обращение в рабство может возникнуть только в ходе религиозно-правовой войны между двумя народами, не имеющими между собой статуса о взаимной неприкосновенности. Если же между двумя народами существует статус взаимной неприкосновенности, обусловленный наличием соответствующего договора, то по итогам вспыхнувшей между ними войны обращение в рабство не предусматривается. Легитимность обращения в рабство в ходе религиозной или правовой войны между двумя народами, не имеющими взаимного договора о мире, согласно определениям уважаемых правоведов, основана на принципе “жизнь в обмен на жизнь”. Известно, что в войне обе стороны приносят в жертву жизни людей. Таким образом, считается, что обращение в собственность в качестве замены утраченных жизней является легитимным»¹.

Таким образом, Бигиев напоминает, что даже в средневековом мусульманском праве существует лишь единственный способ обращения людей в рабство, а именно: пленение в ходе войны между двумя народами, не имеющими между собой договора о взаимной неприкосновенности.

Деконструкция легитимности обращения в рабство

Далее мы подходим к ключевому моменту исследования — к опровержению Бигиевым единственного легитимного в мусульманском праве способа обращения людей в рабство. Приступая к его изложению, Бигиев приглашает своих оппонентов к своеобразной интеллектуальной дуэли правоведов, вооруженных доводами из источников

¹ Бигиев М. Ж. Указ. соч. С. 186.

ислама, и начинается с безапелляционного опровержения дозволенности рабовладения в исламе:

«Мое утверждение звучит следующим образом: В исламском шариате отсутствует положение о дозволенности обращения в рабство захваченных в бою пленных. И коль обращение пленных в рабов не разрешается, то это означает, что с точки зрения исламского шариата не разрешается обращать в рабство кого бы то ни было из людей вообще»¹.

В целях обоснования правоты своего утверждения Бигиев обращается к Корану и призывает читателей к внимательному его прочтению от начала до конца, предлагая с предельным вниманием и осознанностью рассмотреть каждый аят, который, возможно, так или иначе, имеет отношение к рассматриваемому вопросу, а также аяты, в которых упоминаются война или пленение. Интересно, что для предохранения от возможных ошибок в понимании лингвистических аспектов исследуемого материала, Бигиев призывает вооружиться трудами выдающихся знатоков арабского языка и риторики, таких, как Халил² и Сибавейх³, Джахиз⁴ и Абд ал-Кахир⁵, дабы не упустить из виду те нюансы текста Корана, которые относятся к его арабоязычности, к канонам арабской речевой выразительности. Кроме того, Бигиев настаивает на щепетильном соблюдении методов, изложенных в трудах по основам фикха, а также призывает не оставлять вне поля зрения идеи, высказанные теологами, для чего призывает обратиться и к тафсирам Корана. Именно такой иджитхад, по мнению Бигиева, следует применить для решения загадок и тайн Корана в стремлении понять исконные смыслы его аятов, представленные на понятном арабском языке:

«Даже если мы, вооружившись таким усердным иджитхадом и такой глубокой проницательностью, будем вдумчиво вчитываться в Благородный Коран,

¹ Бигиев М. Ж. Указ. соч. С. 187.

² Халил (Абу Абдаррахман ал-Халил ибн Ахмад ал-Фарахиди; ок. 718-ок. 791) — выдающийся филолог, представитель басрийской языковедческой школы, разработчик методики традиционного арабского языкознания, создатель системы огласовок, и знака «хамза», автор первого словаря арабского языка «Китаб ал-Айн».

³ Сибавейх (Абу Бишр Амр ибн Усман ал-Басри; ок. 760 – ок. 797) — выдающийся арабский филолог персидского происхождения, автор первого систематического изложения грамматики арабского языка «Ал-Китаб», представитель басрийской языковедческой школы, ученик Халили.

⁴ Джахиз (Абу Усман Амр ибн Бахр ал-Кинани ал-Басри; 775–868) — арабский писатель, основоположник арабской литературной критики.

⁵ Абд ал-Кахир (Абу Бакр Абд ал-Кахир ибн Абд ар-Рахман ибн Мухаммад ал-Джурджани; 1009/1010–1078) — арабский филолог персидского происхождения, теолог шафиитского мазхаба. Признанный специалист в области 'илм ал-баляга (красноречие и искусство риторики) и 'илм ал-байан (отрасль арабской риторики, связанная с метафорическим языком). Свою концепцию риторики изложил в книгах: «Асрар ал-баляга» («Секреты риторики») и «Далаил ал-иджаз фи-л-Куран» («Доказательства неподражаемости Корана»).

то даже в этом случае мы, в конце концов, обнаружим, что в айатах Благородного Корана невозможно найти ни одной буквы, которая могла бы послужить доказательством дозволенности обращения в рабство»¹.

Сказанное выше можно воспринимать как бигиевскую методику деконструкции, которая подразумевает не голословную критику, но доскональное владение как первоисточниками правовых положений ислама (Коран и Сунна), так и правовой литературой вторичного характера со всеми ее плюсами и минусами, а также их переосмысление. Иными словами, в деле анализа и разбора источников Бигиев ставит планку объективности на высочайший уровень.

В качестве первого свидетельства в пользу своего утверждения Бигиев приводит следующий аят (مَا كَانَ لِنَبِيِّ أَنْ يَكُونَ لَهُ أُسْرَى حَتَّى يُنْجَحَ فِي الْأَرْضِ) «Ни одному пророку не годилось иметь пленных, пока он не произвел избиения на земле» (Коран, 8: 67). Бигиев считает, что данный аят запрещает освобождение (اطلاق) за выкуп или без оно, а также обращение в рабство (استرقاق), поскольку в момент низведения айата приверженцы ислама были малочисленны и слабы. Поскольку в таких условиях сохранение жизни врагов с политической точки зрения было неприемлемым, то были запрещены как освобождение, так и обращение в рабство. Следовательно, пленным следовало предавать смерти. Однако Бигиев обращает внимание на то, что при некотором размышлении над выражением (أَنْ يَكُونَ لَهُ أُسْرَى) «не годилось иметь пленных» с точки зрения его арабоязычности можно прийти к заключению, что значение фразы «иметь пленных» (لَهُ أُسْرَى) все-таки включает в себя два возможных способа действия: либо освобождение, либо обращение в рабство. И именно эти две возможности однозначно пресекались в упомянутом аяте Корана. В более поздние времена все айаты, низведенные после того, как отпала необходимость в предании пленных смерти, совершенно определенно пресекали возможность обращения их в рабство, т. е. отменяли одну возможность, автоматически оставив вторую — отныне пленным предписывалось освобождать на тех или иных условиях.

Говоря об аяте (حَتَّى يَغْطُوا الْجَزْيَةَ عَنْ يَدٍ وَهُمْ صَاغِرُونَ) «пока они не дадут откупа своей рукой, будучи униженными» (Коран, 9: 29), Бигиев поясняет, что факихи, отталкиваясь от предшествующей ему фразы (مِنَ الَّذِينَ أُوتُوا) «из тех, которым ниспослано Писание», сочли данный аят подразумевающим т. н. людей писания и решили, что их можно обращать в рабство. Однако Бигиев не видит проблемы в такой экстраполяции, поскольку данный аят определенно свидетельствует о недопустимости обращения в рабство. Этот аят гласит, что итогом войны должно быть

¹ Там же.

не обращение плененных в рабство, но получение за них выкупа (جزية) или принятие побежденными статуса подчиненных (تبعه).

В качестве очередного аргумента в пользу своего утверждения, Бигиев приводит аят (يَا أَيُّهَا النَّبِيُّ قُلْ لِّمَن فِي أَيْدِيكُمْ مِّنَ الْأَشْيَاءِ إِنِ يَعْلَمِ اللَّهُ فِي قُلُوبِكُمْ خَيْرًا) «О Пророк! Скажи тем, в руках которых пленные: “Если Аллах узнает про добро в ваших сердцах, Он дарует вам лучшее, чем то, что взято у вас, и простит вам: Аллах прощающ, милосерд!”» (Коран, 8: 70). Он объясняет, что упомянутые здесь пленные не являются пленными, обращенными в рабство, но, исходя из смысла словосочетания (مِمَّا أُخِذَ مِنْكُمْ) «чем то, что взято у вас», являются пленными, которых следует освободить за выкуп. Подтверждение сказанному Бигиев находит также и в аяте (وَإِنْ يُرِيدُوا خِيَابَتَكَ فَقَدْ خَانُوا اللَّهَ مِن) «А если они пожелают изменить тебе, то они раньше уже изменили Аллаху, и Он отдал их во власть. Аллах — знающий, мудрый!» (Коран, 8: 71). Иными словами, согласно Бигиеву, речь здесь идет о том, что если бывшие пленные предадут Пророка после их освобождения, то Аллах вновь поставит Пророка властителем над этими изменниками. В качестве примера такого развития событий он приводит историю с поэтом Абу Гурра. Плененный мусульманами в битве при Бадре, он был освобожден пророком Мухаммадом, поверившим его клятвенному обещанию, что впредь он не будет настраивать людей против Пророка и не будет порицать его в своих стихах. Тем не менее, вернувшись к соплеменникам, Абу Гурра принялся за старое, настраивая людей против Пророка и ругая его в своих стихах. В битве при Ухуде он вновь попал в плен и снова стал просить помилования. Но в этот раз Мухаммад приговорил его к смертной казни, сказав при этом: «Верующего не жаль дважды из одной норы»¹.

Последовательно приводя все новые и новые аяты Корана в опровержение легитимности обращения в рабство пленных, Бигиев прибегает к аяту (إِذَا أَتَخَنُّمُوهُمْ فَشُدُّوا الْوَثَاقَ فَإِمَّا مَنًّا بَعْدَ وَإِمَّا فِدَاءً حَتَّى تَضَعَ الْحَرْبُ أَوْزَارَهَا) «...а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы. Либо милость потом, либо выкуп, пока война не сложит своих нош» (Коран, 47: 4). Он отмечает, что данный аят был ниспослан спустя определенное время после упомянутого выше аята «Ни одному пророку не годилось иметь пленных...» (Коран, 8: 67). В момент ниспослания аята 47: 4 («...а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы...») социально-политическая ситуация была уже иной, нежели в первые годы жизни мусульман в Медине — сила и численность мусульман возросли, выросла их военная и экономическая мощь, поэтому освобождение пленных не было чревато для мусульман негативными политическими

¹ Сунан Абу Давуд. Хадис 4862. URL: <https://sunna.e-minbar.com/sunan-abu-davud/kniga-31/hadis-4862/> (дата обращения: 24.02.2025).

последствиями. По этой причине Коран аннулировал предание пленных смерти и аятом (فَإِمَّا مَنًّا بَعْدُ وَإِمَّا فِدَاءً) «*Либо милость потом, либо выкуп*» (Коран, 47: 4), предоставил мусульманам два способа освобождения пленных: освобождение без выкупа за благодарность, или же освобождение за выкуп или в обмен на попавших в плен своих. Бигиев особо подчеркивает, что в данном аяте не говорится ни о допустимости предания пленных смерти, ни о допустимости обращения их в рабство. Это позволяет ему заявить, что, вне зависимости от того, были ли обе эти упомянутые возможности отменены данным аятом или нет, его утверждение о недопустимости обращения в рабство военнопленных оказывается доказанным, поскольку рассмотренный им аят никоим образом не свидетельствует о дозволенности обращения в рабство. И, словно бы желая продемонстрировать уровень некомпетентности и нелогичности факихов прошлого, Бигиев подчеркивает, что именно рассмотренные им аяты Корана и служат для факихов аргументом в пользу легитимности обращения в рабство.

Далее Бигиев обращается к Сунне, дабы ответить на вопрос о том, предписывает ли она обращение в рабство. Он пишет, что по его личному мнению, основанному на многолетнем изучении арсенала трудов по хадисам, пророк Мухаммад в ходе одерживаемых им побед в многочисленных войнах за веру хотя и захватывал в плен какое-то количество людей, но не обратил в рабство ни одного из них. Бигиев подчеркивает, что это не является открытием, и что корпус мусульманских улемов прекрасно осведомлен о том, что «*в малых и больших войнах за веру, имевших место в Век пророчества, захватывались пленные, тем не менее, ни один из них не был обращен в рабство*»¹. Однако, отмечает Бигиев, теологи пошли на уловку ради того, чтобы соответствовать требованиям своих мазхабов. Во-первых, они объясняли, что пленных в ту пору не обращали в рабов, поскольку якобы по происхождению все они были арабами, а в те времена для арабов Хиджаза существовало лишь два пути: либо ислам, либо смерть, но не обращение в рабство. Во-вторых, они утверждали, что если бы пленные не были арабами, то обращение их в рабство было бы дозволенным делом. Другая группа факихов хоть и удовлетворялась фразой (والمعروف ان النبي لم يسترق احداً)² «*Известно, что Пророк никого не обратил в рабство*», тем не менее, отсутствие в Сунне примеров, свидетельствующих о дозволенности обращения в рабство, не помешало им пойти на другую хитрость, дабы обосновать приемлемость такого действия — они взяли на вооружение методы сопоставительного фикха и заявили следующее: (الاقرار بالمجزية فبالاسترقاق اولى)³ «*После*

¹ Бигиев М. Ж. Указ. соч. С. 191.

² Там же.

³ Бигиев М. Ж. Указ. соч. С. 191.

разрешения на взимание джизьи первым делом является дозволение на обращение в рабство».

Таким образом, указав на уловки и ошибки улемов прошлого, на наличие кричащих разногласий между их решениями в вопросе об обращении в рабство и на игнорирование ими общеизвестной формулировки «Известно, что Пророк никого не обратил в рабство», Бигиев делает следующий вывод:

«Мы можем заявить, что обращение в рабство в Пророческой Сунне не имеет подтверждений. Если обращение в рабство не находит подтверждения ни в Благородном Коране, ни в Пророческой Сунне, то наше заключение о том, что правовым решением исламского шариата, или под его влиянием, в мире людей не был обращен в рабство ни один человек, оказывается доказанным со всей очевидностью и неопровержимостью. Таким образом, оказывается доказанным самый большой столп нашего утверждения»¹.

Заключение

Итак, Муса Бигиев убедительно доказал, что исламский шариат не позволяет обращать пленных в рабов.

Также представленный разбор иджитхада Мусы Бигиева дает возможность прийти к заключению, что он первым в исламском мире поставил вопрос о правах и свободах человека. В то же время Ал-Али Насер Абдель Рахим в своей книге «Защита прав и свобод человека в арабских странах» (2015) отмечал, что «*вопрос о правах и свободах человека в исламском праве до середины прошлого столетия не поднимался вообще*»². Изучение работы Мусы Бигиева «Кава'ид фикхийя» показывает, что данное мнение является преждевременным, и что более ста лет тому назад выдающийся татарский теолог не только привлек внимание мусульманской общественности к проблеме прав и свобод человека в исламе, но и блестящим образом актуализировал это понятие на конкретных примерах (имеются в виду деконструкция положения о необходимости смертной казни за вероотступничество мусульман и обнаружение несостоятельности существующих религиозно-правовых основ института рабовладения в исламе). Более того, решение упомянутого вопроса Бигиевым представляет собой результат исследования и анализа им источников исламского права без обращения к правовым

¹ Там же.

² Цит. по: Дураев Т. А., Тюменева Н. В. Значение прав человека в исламском праве // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17. Вып. 3. С. 352–358.

традициям западного мира. Важно также и то, что в ходе своей работы над проблемой Бигиев не испытывал потребности в привнесении в исламский правовой дискурс т. н. ценностей западной цивилизации. Его опыт опровергает обоснованность сожалений о том, что в наши дни *«ценности западной цивилизации с персонцентристскими идеями о правах человека, ориентированные на высокий уровень индустриального развития общества, трудно сочетаются с религиозно-традиционным правом Востока, в котором определяющую роль играет религия и вера во Всевышнего, а ее догматы обуславливают разнообразные обязательства перед Богом, государством, обществом»*¹.

Еще одной важной особенностью иджтихада Бигиева относительно нелегитимности рабовладения в исламе является применение им в исламской правовой практике нового подхода, заключающегося в снятии «покрова самоочевидности» с рабовладения и дальнейшем раскрытии того, что является «“подлинным” в традиционных категориях»². Бигиев использовал этот, названный им иджтихадом, подход, еще до того, как подобный инструмент появился в арсенале современной философской науки благодаря М. Хайдеггеру (деструкция) и в дальнейшем был развит Ж. Деррида (деконструкция).

Метод деконструкции был использован Бигиевым в качестве одного из инструментов иджтихада за сто лет до того, как с подачи западной науки этим методом стали пользоваться современные мыслители мусульманского мира: деконструкция в форме «деконструктивного чтения» позволяет им не только глубоко проникать в смысл священных текстов, но и выводить религиозный текст *«из закрытости в открытость, тем самым избавляя (очищая) его от устаревших господствующих интерпретаций, освобождая закрепощенные умонастроения, избавляя арабский мир от отсталости»*³. Поэтому Бигиева можно с уверенностью считать выдающимся правоведом, обогатившим иджтихад новыми подходами и инструментами.

Наконец, Бигиев, исследовавший историю мусульманского мира и, в целом, историю человеческого общества с позиции социальной философии, попытался раскрыть фундаментальную причину непрекращающихся кризисов, ставших неотъемлемыми спутниками цивилизации. Видение Бигиева подкупает своей простотой и, одновременно, неординарностью — простота его концепции заключается в том, что, не погружаясь в сложные философские построения, Бигиев видит корень всех зол и социальных болезней в нарушении первичной

¹ Там же.

² Коначева С. А. «Деструкция» традиции в работах Хайдеггера до «поворота» // Вопросы философии. 2024. № 12. С. 148–158.

³ Седанкина Т. Е. Анализ возможности применения деконструктивной стратегии в теологических исследованиях // Minbar. Islamic Studies. 2024. Т. 17. № 1. С. 161–185.

богоданной гармонии между полами в рамках семьи. Неординарность предложенной им концепции сводится к тому, что он целиком и полностью основывает ее на материале первоисточников ислама и духе исламского права.

В свете сказанного, на пример решения Бигиевым проблемы прав и свобод человека в исламе стоит обратить внимание той части исследователей ислама, которые, не осознавая потенциала этой религии, продолжают настаивать на необходимости или неизбежности съезжания и отступления исламской правовой теории и практики перед натиском принципов и правил западной юриспруденции.

Литература

Бигиев М. Ж. Кавагыйд фикъиййә. — Казань: Электро-Типография «Урнэк», 1328 [1910]. — 232 б.

Дураев Т. А., Тюменева Н. В. Значение прав человека в исламском праве // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. — 2017. — Т. 17. — Вып. 3. — С. 352–358.

Коначева С. А. «Деструкция» традиции в работах Хайдеггера до «поворота» // Вопросы философии. — 2024. — № 12. — С. 148–158.

Коран. Пер. с араб. акад. И. Ю. Крачковского. Предисл. к изд. 1963 г. В. Беляева, П. Грязневича — М. Изд-во «Рассвет», 1990. — 528 с.

Седанкина Т. Е. Анализ возможности применения деконструктивной стратегии в теологических исследованиях // Minbar. Islamic Studies. — 2024. — № 17. — Т. 1. — С. 161–185.

Хайрутдинов А. Г. Опровержение предписания о смертной казни за вероотступничество в книге Мусы Бигиева Кава‘ид фикхиййа // Ислам в современном мире. — 2024. — № 20. — Т. 1. — С. 41–52.

References

Bigiev M. J. (1910). *Qawa'id fiqhiyye* [The Rules of Fiqh]. Kazan: Elektro-Tipografiya «Urnek» Publ. 232 p. (In Tatar-Ottoman)

Duraev T. A., Tyumeneva N. V. (2017). *Znachenie prav cheloveka v islamskom prave* [The Importance of Human Rights in Islamic Law]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Ekonomika. Upravlenie. Pravo.* [Izvestia of the University of Saratov. New series. Series Economics. Administration. Law]. Vol. 17. Iss. 3, pp. 352–358. (In Russian)

Konacheva S. A. (2024). “Destruxtsiya” traditsii v rabotakh Khaydeggera do “povorota” [The “Destruction” of Tradition in Heidegger’s Works

before the “Turn”]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 12, pp. 148–158. (In Russian)

Koran. Per. s arab. akad. I. Yu. Krachkovskogo. Predisl. k izd. 1963 g. V. Belyaeva, P. Gryaznevicha (1990). [The Qur’an. Translated from Arabic by Academician I. Yu. Krachkovsky. Preface to the 1963 edition by V. Belyaev and P. Gryaznevich]. Moscow: “Rassvet” Publ. 528 p. (In Russian)

Sedankina T. E. (2024). Analiz vozmozhnosti primeneniia dekonstruktivnoi strategii v teologicheskikh issledovaniykh [Analysis of the Possibility of Applying a Deconstructive Strategy in Theological Research]. *Minbar. Islamic Studies*. No. 17. Vol. 1, pp. 161–185. (In Russian)

Khayrutdinov A. G. (2024). Oproverzhenie predpisaniia o smertnoi kazni za verootstupnichestvo v knige Musy Bigieva Kava‘id fiqhiiia [Refutation of the Death Penalty for Apostasy in Musa Bigiev’s book Qawa‘id fihiyyah]. *Islam v sovremennom mire* [Islam in the modern world]. No. 20. Vol. 1, pp. 41–52. (In Russian)

MUSA BIGIYEV ON THE DELEGITIMIZATION OF SLAVERY IN MUSLIM LAW (BASED ON THE BOOK “KAWA’ID FIQHIYYA”)

Abstract. The article examines the example of Musa Jarullah Bigiev’s *Ijtihad*, which consists in a critical religious and philosophical analysis and deconstruction of the medieval legal foundations of the institution of slavery in Muslim Law. The material presented in the article is based on M. Bigiev’s explanations on this issue, presented by him in 1910 on the pages of the fundamental work “Kawa’id Fiqhiyya” (“Rules of Fiqh”). Moreover, the article introduces the history of slavery as presented by Bigiev, as well as which verses of the Qur’an and hadith he cites, acting as an adherent of the fundamental values of Islam, in order to justify the illegitimacy of the institution of slavery. Bigiev considered this phenomenon to be openly contrary to the right of individual personal freedom, a legal concept introduced by him into the conceptual field of Islamic jurisprudence and presented as one of the essential tasks of Sharia. Bigiev’s method of analyzing established legal provisions in order to delegitimize them is an example of deconstruction, ahead of the development and recognition of this concept by modern science in the West and its adoption by thinkers of the Muslim East. The presented material is being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Musa Bigiyev, theology, fiqh, methodology of fiqh, ijtihad, slavery, deconstruction.

For citation: Khayrutdinov A. G. Musa Bigiyev on the Delegitimization of Slavery in Muslim Law (Based on the Book “Kawa’id Fiqhiyya”). *Islam in the modern world*. 2025;21(1):117–134. (In Russ.)

DOI 10.22311/2074-1529-2025-21-1-117-134

Received: 19.01.2025 Accepted: 05.03.2025

Aidar G. KHAYRUTDINOV,

Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor; Acting Head,
Department of the History of Religions and Public Thought named after Yahya G. Abdullin,
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences,
(7, Baturina Str., Kazan, 420014, the Republic of Tatarstan, the Russian Federation);
Head, Bigiev’s Heritage Research Centre, Moscow Islamic Institute
(12, Kirova Lane, Moscow, 109382, the Russian Federation).
E-mail: khaidar67@mail.ru ORCID ID: 0000-0003-0648-0466

